

«Мы ходим в церковь, чтоб от смерти лечиться...»

текст, фото ДЕНИС ЖИДКОВ

ЗАГЛЯНИ В СЕБЯ/ LOOK INTO YOURSELF

АЛЕКСЕЙ ВТУЛОВ – ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК, КОТОРЫЙ УМЕЕТ НЕ ТОЛЬКО ГОВОРИТЬ, НО И СЛУШАТЬ. РЕДКОЕ В НАШЕ ВРЕМЯ КАЧЕСТВО. И КРАЙНЕ НЕОБХОДИМОЕ В ЕГО ДЕЛЕ. ОН ОКОНЧИЛ МИССИОНЕРСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ СВЯТО-ТИХВИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, ТЕПЕРЬ СЛУЖИТ В ХРАМЕ В ДУБРОВИЦЕ, В ПОДОЛЬСКОМ РАЙОНЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. ЭТОТ ХРАМ В СТИЛЕ БАРОККО ПРИВЛЕКАЕТ ВЕРУЮЩИХ НЕ ТОЛЬКО УНИКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРОЙ, НО И СВОИМИ СЛУЖИТЕЛЯМИ – СВЕТЛЫМИ, ПОЗИТИВНЫМИ ЛЮДЬМИ. О ТОМ, КАКОЙ ПРИМЕР ОНИ СТАРАЮТСЯ ПОДАВАТЬ ПРИХОЖАНАМ, МЫ СЕГОДНЯ ПОПЫТАЕМСЯ ПЕРЕДАТЬ В ЭТОЙ БЕСЕДЕ.

Алексей, как вы оказались там, где вы сейчас? Я всех героев своих интервью об этом спрашиваю.

Если очень кратко, то меня жена привела в церковь. Мы все учимся. Господь нам устраивает так, чтобы мы все чему-то учились. Часто бывает, что человек начинает попадать в одну и ту же ситуацию. Это о чём говорит? О том, что всем нам свойственно наступать на одни и те же грабли. Значит, надо научиться поступать чуть-чуть иначе. Помолиться, прежде всего. Попытаться понять, чего Господь от меня хочет? Не надо открывать длинные молитвы в молитвословах. Иногда нужно просто сказать: «Господи, я не понимаю». И – смотришь – в нужный момент подворачивается нужная фраза, нужная встреча, нужный фильм, какой-то кусок информации засядет в голове. Ты начинаешь это расшифровывать, размышлять, и тогда что-то начинает меняться – в тебе самом и вокруг тебя. Познавай о себе волю Божию из того, как складываются обстоятельства. Христос стучится к нам через жизненные ситуации, через наших ближних.

А ещё через пожары, стихийные бедствия и экономические кризисы?

Безусловно. Когда пожары в Москве прошлым летом начались, многие пришли в церковь, потому что было понятно, что у президента помощи не попросишь, у соседа не попросишь... А как стало чуть полегче – волна людская схлынула. То есть это было разовое явление. Не зря у нас говорят: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Мы все оставляем Бога как будто напоследок, отодвигаем мысль о Нём на самый крайний случай, когда помощи ждать больше неоткуда – «остаётся только на Бога надеяться». Вообще, большинство из нас воспринимает церковь как место, где можно что-то получить, – как магазин. Пришел, заплатил – «сделайте мне духовно». Сегодня самый часто задаваемый вопрос: «Какой иконе свечку поставить, чтобы счастье было в доме, чтобы бизнес налачился?» И людям отвечаешь, что, на самом деле, – неважно. Кому хотите помолиться, тому и ставьте свечку. Свечка – это только символ, кусочек воска и верёвочка, ничего более. Свечкой от Бога не откупишься, и за свечку Его к себе не призовёшь.

Тогда получается всё сложнее. Значит, человеку нужно расставаться с какими-то своими представлениями, привычками, а это всегда некомфортно и даже больно.

Да. Но церковь не может поставить задачу – «Давайте всех исцелим!». Насильно не исцелишь, человек – существо свободное. Мы можем призывать, пытаться что-то на себе показать – в лучшем варианте. Но кто-то увидит и примет, а кто-то увидит и не примет. Это и со Христа начиналось. Он всенародно воскресил Лазаря, а кто-то пошёл и донёс фарисеям. Перед самой революцией 1917 года по России ездил, можно сказать, «современный чудотворец» – Иоанн Кронштадтский. Исцелял, воскрешал, но народ уже этим не жил, это никому не интересно было. Его можно назвать примером святости, который громко заявлял, что Россия на грани. Сейчас изданы его дневники и проповеди. А тогда многие ли его услышали? Практически никто. А ведь все

были воспитаны в православии, и перед каждым стоял вопрос – «Значит ли для тебя это что-нибудь?». До революционного переворота все были более-менее одинаковыми. А тут вопрос был поставлен ребром: «Ты со Христом или нет?». И те, кто сказали «да», пополнили списки святых. Это наши новомученики. Двадцатый век дал нам столько святых, сколько не дала вся предыдущая история. Но большинство людей сказали «нет». И сейчас это продолжается – мы пожинаем плоды этого безверия.

Тем не менее, Православная Церковь всегда была больше, чем местом для поклонения. Это хранилище не только духовности, но и культуры. Большинство храмов представляют собой национальное достояние, художественную и историческую ценность. И сейчас многие начали смешивать понятия русского и православного. Звучат определенные националистические лозунги, все выше поднимаются определенные флаги. Как вы к этому относитесь?

«Двадцатый век дал нам столько святых, сколько не дала вся предыдущая история»

Свастика жёстко связана в нашем сознании с тем, что было в двадцатом столетии. Однако ранее это была лишь одна из многочисленных форм образа Креста. Возможно, пройдет ещё двести лет, и эта ассоциация с фашизмом пройдет. Но лозунги «Россия для русских» или «Россия для православных» – это, мягко говоря, нехорошо. Да, христианство сейчас – носитель культуры. Но хочет ли народ видеть эту культуру? Приобщаться к этой культуре? Не могу сказать. Во многом, мне кажется, мы вымирающий народ. Всем правит телевизор. И, в большинстве своём, эта современная культура если не антихристианская, то мимохристианская. Она не духовную основу в человеке подпитывает, а желание потреблять. Церковь же действительно начиналась как сообщество людей образованных и культурных, не плебсита. Когда христианство пришло на Русь – это была вера городов, прежде всего. И народной верой христианство стало далеко не сразу. Сейчас ситуация во многом вернулась. Все церковные центры – в городах. А на селе, конечно, – жуть. Там уже и не живет практически никто. Потому что там остаться – это умереть. Поэтому и молодежь оттуда бежит. Хочешь ты, не хочешь – образ жизни тебя затягивает. Люди быстро начинают пить. Круг интересов, и так не очень широкий, вообще «схлопывается» в точку. Эксперты говорят, что при таких показателях жизненного уровня, детской смертности, количества самоубийств и всего-всего, что они обычно перечисляют, – ни один народ не выживал ещё в истории. Мы пока держимся как-то, милостью Божией.

Я все равно не могу понять, как в нас сочетаются такая гордость от собственной духовности и в то же время не-

человеческая дикость, ведь наши старики – нищие, а дети становятся сиротами при живых родителях. Почему ненормальных семей больше, чем здоровых? Как мы пришли к этому?

То, о чём писал Достоевский в «Бесах», – всё это воплотилось в нашей советской действительности. Он фактически произнёс пророчество. Мы все были предупреждены.

Да, но этот процесс разрушения ещё не закончился. И то, что у нас пенсионеры роются в помойках в поисках еды, – это ведь оттуда?

В принципе, да. С другой стороны, всякая такая встреча, все эти пожилые люди, которые на улице денег просят, – это для каждого из нас особенная встреча. Это Христос стоит и просит у нас. Что мы ему даём? И даём ли мы ему хоть что-нибудь иногда?

А негативные процессы были и продолжают. Дети не воспитывались в семьях. И сейчас не воспитываются, и тогда не воспитывались. Вот я под это не попал, а мой старший брат попал. Мама его родила и в три месяца сдала в госучреждение – в ясли, и вышла на работу. Ребёнка воспитывали совершенно чужие ему люди. Что они вкладывали ему в голову? Родители встречались со своим ребёнком вечером и по выходным. Когда начались социальные потрясения в начале девяностых, то, чтобы выжить, приходилось пахать и папе, и маме...

Так и сейчас та же ситуация!

И сейчас так же! Получается, что не родители воспитывают детей. И поскольку ребёнок большую часть времени проводит в детском саду, в школе, в группе продленного дня

«Свечка – это только символ, кусочек воска и верёвочка, ничего более...»

– в результате мы не умеем жить в семье. Мы уже третье поколение людей, которое активно оторвано от семьи. Поэтому и семьи – в 90% случаев – распадаются. Мы не умеем жить друг с другом. У нас есть ещё немного этого природного влечения мальчика к девочке, но они встретились, пожилые – и начинаются трудности. А с трудностями мы бороться не умеем. У нас нет примеров. Мы не видим того, что Господь в нас заложил: что мужчина – это глава семьи. Мы все воспитываемся женщинами. Отсюда мужики, которые не вырастают в моральном, в духовном смысле, которые не умеют быть лидерами. А если и умеют, то в таких формах, что женщины от них бегут.

Давайте нарисуем для читателей портрет здоровой семьи, какой она должна быть. А не такой как сейчас: пожилые, разбежались – дети остались после этого...

Да как её нарисовать? Чтобы нарисовать, нужно иметь её перед глазами.

Может, начать с того, что мать не должна работать?

Я не думаю, что все так радикально. Есть мамы, которые посвящают себя детям. Они осознают, что это им нравится, хотя раньше могли об этом не думать. Вроде бы хотела карьеру делать, вдруг что-то открылось внутри – и всё меняется в человеке. Бывает и по-другому, когда мама вроде бы умом настроена, а посидит с ребёнком год одна в четырех стенах – и ей выть хочется. Потому что другие потребности в ней тоже есть. Она же не просто автомат по обслуживанию ребенка и мужа. Очень трудно найти золотую середину. И не факт, что если мама не работает, то это всегда идеально. Если среда обитания очень узкая, то она всегда начинает давить в ту или иную сторону. Поэтому как тут считаешь идеальную семью... Идеальная семья – для идеальных людей, которых, как известно, не существует.

Мы любим почему-то сравнивать себя с американцами. А ведь у них домашнее обучение развито не только среди верующих, но и среди атеистов.

Правильно, потому что ребёнок дома находится в рамках естественной иерархии. Мои дети тоже дома учатся. Есть папа, мама, старшие, младшие братья, сёстры. Когда ребёнок попадает в однообразный коллектив, первое, что начинается, – это борьба за свое место. Выделяются мальчишки-хулиганы, девочки-«оторвы», «мальчишки для битвы». Очень быстро это закрепляется – лидеры и не лидеры. Плюс учитель может выделять своих любимчиков или, наоборот, кого-то гнобить. В результате образуются психотравмы. Ребенок может быть нормальным, но он пошел в школу – и у него начинает «вылезать» психосоматика. Начинаются головные боли, энурезы. Потому что он там находится в стрессовой ситуации. Он может даже не понимать этого. На выходных он здоровый, замечательный. С утра в понедельник у него поднимается температура. Оставив дома – он через полдня опять нормальный. Я хочу, чтобы мои дети росли по-другому. Чтобы они были более коммуникабельными, более общительными, более здоровыми психически. Но для этого нужно что-то менять в себе. А у людей с этим очень большие проблемы. Хотя в голове есть понимание, что что-то надо делать. Но преодолеть себя очень тяжело. А когда человек этими вопросами вообще не задается, живёт по инерции, как все (ведь большинство именно так и делают), – то мы имеем то, что мы имеем.

Я видел, как вы после службы бабушек по домам развозили на своей машине. Зачем вам это? Могли бы спо-

койно сесть в свой автомобиль, за углом припаркованный, и уехать. Хлопот меньше.

Ну а как бабушек не жалеть? Я с этими бабушками уже семнадцать лет. И потом, понимаете, не так много ситуаций в моей жизни, когда я могу что-то от себя отдать. И если Господь дал мне машину, то Он мне дал её для чего-то. Не просто, чтобы я возил на ней свою семью. Подвига в этом вообще нет. Это нормальные человеческие отношения. И нам всем бы человеками для начала стать, не то что христианами. Можно ведь призывать и к покаянию, и к прощению, и к действию, но если ты сам не являешь собой примера, то это будут пустые слова. Здесь, как и во всём, нужно начинать с себя. Как Серафим Саровский говорил: «Стяжай Дух Божий, и тысячи вокруг тебя спасутся».

Алексей, у нас большая часть страны – верующие. Но Царства Божия в отдельно взятом государстве у нас не наблюдается. Как вы думаете, почему?

Вера по наследству всегда была проблемой, но мы столько боролись за последние сто лет, что, кажется, нужно остановиться и перестать бороться. Вся эпоха римского императора Константина наполнена борьбой. А человек ведь не рождается сразу святым, он постепенно растёт в христианстве. Бывает, что человек поверхностный и цепляется за внешнее. Бывают более глубокие личности, для них внешняя атрибутика не так важна, но они всегда будут испытывать непонимание со стороны одноверцев. Но Господь всё устраивает, а наше дело – не судить. Каков человек сегодня, каким он будет завтра – никто не знает. В рай первым вошел благоразумный разбойник...

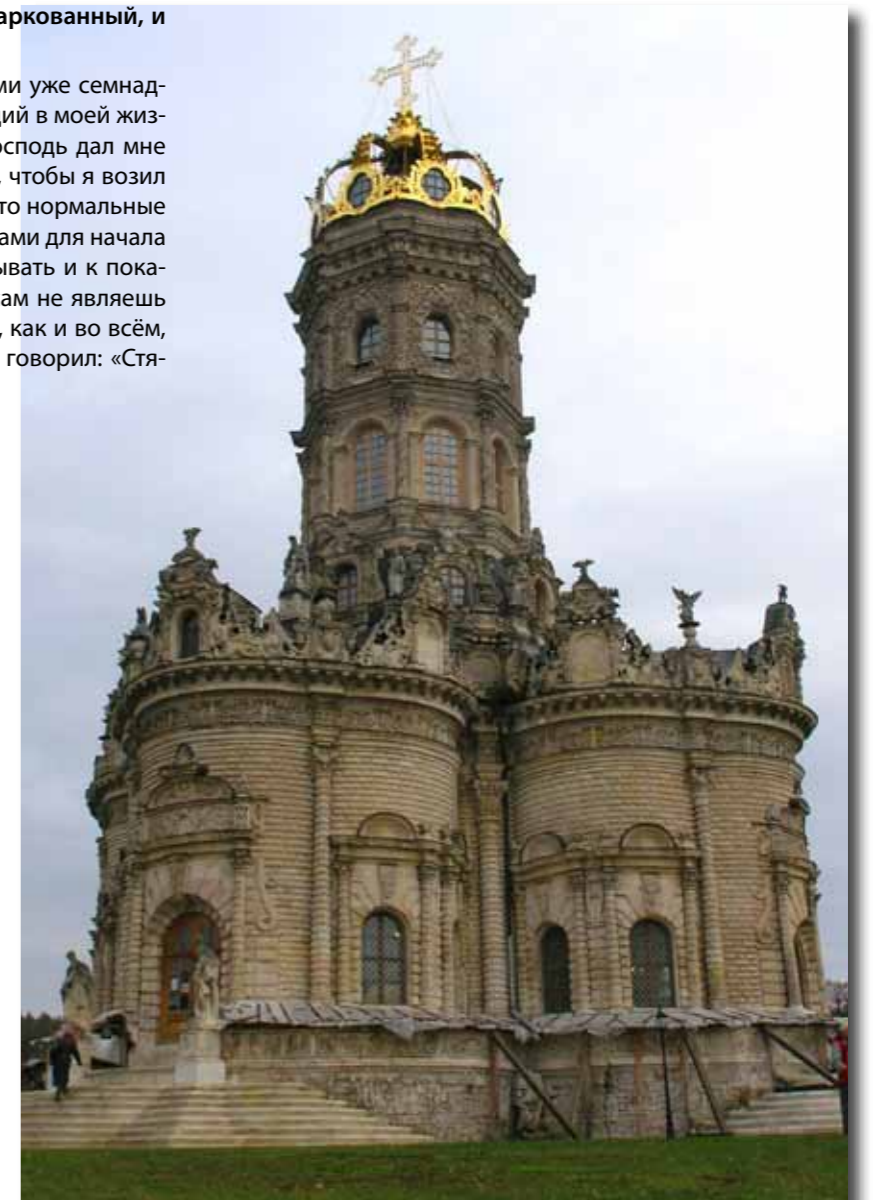
Сегодня Православная Церковь крестит полным погружением, учит о Крещении до Крещения, может быть, стоит окончательно перейти и к богослужению на понятном русском языке?

Не всегда то, что хочется, легко воплотить в жизнь. Формально многие согласны, что это нужно. О многих сегодняшних переменах мы лишь молились, пока не пришел нынешний Патриарх Кирилл, – при нем всё зашевелилось и начало воплощаться то, о чём раньше были лишь разговоры. А сейчас многие прогрессивные перемены официально благословляются. О современном русском языке тоже говорили ещё на Соборе 1917 года, перед революцией. Но боязнь пойти вопреки чему-то даже в добром деле – она сильна. И сегодня в некоторых представителях старшего поколения до сих пор остается страх.

Да, кстати, о страхе. Многих сейчас опять беспокоит конец света. Действительно всё скоро закончится?

Особая острота была в девяностых. Тогда в России снова начали издавать Евангелие. Люди прочитали Апокалипсис, Святых Отцов. И в церковной среде это было весьма актуально. На эту тему издавалось множество книг, большей частью нездоровых.

Сейчас, мне кажется, мы этим переболели. Когда объявляют конец света, а он не приходит один раз, второй, третий... К следующим предсказаниям люди начинают относиться скептически. И это хорошо. Мы не знаем, когда Господь придет.

«То, о чем писал Достоевский в «Бесах», – все это воплотилось в нашей советской действительности. Он фактически произнес пророчество»

Нам прямо сказано: «Не ваше дело знать времена и сроки». Нам даны некоторые признаки, по совокупности которых мы можем предполагать близость этого времени. Но все эти признаки завязаны на нас самих. И главный признак – это когда в мире оскудевает любовь. Да, очевидно, она сейчас в большом кризисе. Но это не значит, что ничего нельзя изменить. Чем более похожи на Христа верующие – тем дальше конец света.

Как же использовать это оставшееся время, ведь каждому из нас отпущено по-разному. Зачем мы все-таки приходим в церковь? Разве только яблоки святить? Разве только Ангела Хранителя получить?

МЫ ХОДИМ В ЦЕРКОВЬ, ЧТОБЫ ЛЕЧИТЬСЯ ОТ СМЕРТИ. ЭТО НАША ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА. САМЫЕ ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ – ЭТО ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ. И ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН САМ ЗАХОТЕТЬ ИХ РЕШАТЬ. ПОЭТОМУ НАЧИНАТЬ НУЖНО С СЕБЯ. ЕСЛИ ВО МНЕ НЕ ВИДНО ХРИСТА – ТО ЧТО МНЕ СМОТРЕТЬ НА ДРУГИХ?